

- Международного конгресса психологов / О. А. Черникова - М., 1966. - Т. 2. - С. 21-35.
12. Mahl G. F. The lexical and linguistic level in the expression of emotions / Ed. by P. H. Knapp // Expression of the Emotions in Man. – N. Y., 1963.
  13. Osgood Ch. E. Motivation and dynamics of language behaviour / Ch. E. Osgood // Nebraska Symposium on Motivation. – V. 5 – Nebraska, 1967. – p. 348-424.

УДК 159.9.07:159.922

## УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ В ДИСКУРСЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Светлана Федько  
(Киев, Украина)

*Статтю присвячено питанню специфічних особливостей дискурсу психологічної допомоги в мультикультурному середовищі. Виходячи з узагальнених даних з області крос-культурної психології, етнолінгвістики і дискурсивного аналізу, було виділено ряд підстав для визначення культурно-специфічних рис у дискурсі психологічної допомоги.*

**Ключові слова:** психологічне консультування, мультикультуралізм, дискурс.

*Статья посвящена вопросу специфических особенностей дискурса психологической помощи в мультикультурной среде. На основе научных данных из области кросс-культурной психологии, этнолингвистики, и дискурсивного анализа, были выделены основания для определения культурно-специфических черт в дискурсе психологической помощи.*

*Ключевые слова: психологическое консультирование, мультикультурализм, дискурс.*

*The article deals with the problem points of psychological counseling discourse in a multicultural society. On the basis of scientific data from the cross-cultural psychology, ethnolinguistics, and discourse analysis, an attempt to find the determinants of culture-specific features in the discourse of psychological help was performed.*

**Key words:** *psychological counseling, multiculturalism, discourse.*

**Постановка проблемы.** На современном этапе развития психологической науки и прикладных ее областей, в частности психологического консультирования, неопровержимым является факт целесообразности использования культурно-конгруэнтного подхода в психологической помощи – такого, который бы в полной мере согласовывался с особенностями менталитета консультируемого и включал в себя методы, основанные на определенной культурной традиции.

Однако, помимо изучения самих консультативных методов, важно обратить внимание на механизм, посредством которого эти методы реализуются. Речь идет о дискурсе психологического консультирования – специфической форме использования языка, посредством которой осуществляется воздействие на клиента. Ведь именно характер диалога (дискурса), его интенциональное пространство является определяющим основные особенности процесса психологической помощи.

Неспроста психологическое консультирование и психотерапию называют «Talking Cure» или «Talking Therapy» (лечение разговором) и понимают как способ лечения психологических расстройств или эмоциональных

проблем, который заключается в разговоре с психологом-консультантом или психотерапевтом в процессе индивидуальных или групповых встреч<sup>2</sup>. Несмотря на то, что сам термин восходит к истокам психоанализа, в наше время понятие «Talking Cure» содержит в себе весь спектр методов и психотехник, основывающихся на нарративной практике. Ведь психологическое консультирование предполагает восприятие речи клиента и, вместе с тем, психологическое воздействие также осуществляется посредством речи. Таким образом, возрастает необходимость изучения дискурса психологического консультирования, как феномена, посредством которого осуществляется процесс психологической помощи.

Основываясь на известной в языкознании гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа о том, что существующие в сознании человека системы понятий, а, следовательно, и существенные особенности его мышления определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является, можем утверждать о необходимости учета культурной переменной в оформлении дискурса психологического консультирования.

**Актуальность** и, более того, насущная потребность изучения дискурса психологической помощи в мультикультурном контексте объясняется двумя причинами. Во-первых, это постепенное замещение национальных обществ мультикультурными, вследствие стремительного процесса глобализации. Возьмем, к примеру, едва ли не наиболее разнообразную в этническом плане страну США, где, на сегодняшний день, психологам приходится работать не только со среднестатистическим американцем,

---

<sup>2</sup> Данное толкование приведено в электронном Оксфордском словаре: «...a method of treating psychological disorders or emotional difficulties that involves talking to a therapist or counsellor, in either individual or group sessions». Режим доступа: <http://oxforddictionaries.com/definition/english/talking-cure?q=talking+cure>

а и афроамериканцем, латиноамериканцем, американцем азиатского происхождения, американским евреем и так можно перечислить выходцев из всех существующих стран, которых, несомненно, можно встретить в США. Во-вторых – это проблема игнорирования локальных культурных особенностей, на основе которых (в идеале) должна основываться система психологической помощи. Вместо этого, специалисты по всему миру некритично принимают американскую консультативную модель, которая не по праву считается универсальной и оказывает не наилучшее влияние на практику психологического консультирования за пределами США [1; 8].

**Анализируя последние исследования** касательно заявленной выше проблематики, уместно будет обратиться к мнению одного из наиболее известных в психологии исследователей культур современности Дэвида Мацумото (D. Matsumoto), который утверждает, что именно культура влияет на структуру и функциональное использование языка, а сам язык можно считать проявлением культуры. С помощью языка подкрепляются наши культурные ценности и взгляды на мир. Ибо, как отмечает ученый, культура – это групповой способ структурирования мира для того, чтобы избежать хаоса и обеспечить выживание группы, а язык – это система символов, которая представляет и отмечает это структурирование [3, с. 407]. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что языковые различия представляют собой не просто условную классификацию, но и по праву отражают истинные различия во взглядах, которые, в контексте нашего основного вопроса, могут существенно влиять на ход консультативного процесса.

В рамках проблемы изучения дискурса психологической помощи, среди существующих наработок в отечественной науке, особое место занимают: изучение специфических характеристик психотерапевтического

дискурса относительно той или иной консультативной парадигмы, которая, в свою очередь, отражает ценностно-смысловые детерминанты определенной культурной традиции в работах проф. А.Ф. Бондаренко; понимающая психотерапия, как особый вид дискурсивной практики, построенной на приемах эмпатии, майевтики, кларификации и интерпретации, представленная в научных трудах проф. Ф.Е. Василюка; использование метафор и поговорок для вербализации телесных ощущений человека, связанных с эмоциональными переживаниями в методе психокатализа А. Ф. Ермошина; принципы анализа психотерапевтического дискурса как «бытия, раскрытого перед лицом Другого посредством речи», разработанные проф. Н.Ф. Калиной; принципы духовно-ориентированного диалога в психологическом консультировании, представленные в творческом наследии Т.А. Флоренской.

Довольно широко данная проблематика отображена в работах зарубежных ученых, таких как Barkham M., Epston D., Lewis B., Lonborg S.D, Madill A., Peräkylä A., Richards P.S., Russell J.A., White M., Widdicombe S., Wierzbicka A.

Вместе с тем, значительный интерес представляет собой попытка проанализировать особенности консультативного дискурса в мультикультурном аспекте, выделить его универсальные основы и локальные особенности в связи с тем, что именно культурные особенности являются определяющим фактором формирования мыслей и состояний которые, как отмечалось выше, объективируются в речи.

Поскольку материал данной статьи является проблемно-постановочным и имеет **целью** исследование культурно-специфического пространства профессионального дискурса в психологическом консультировании, нами была предпринята попытка

нахождения оснований для определения культурно-специфических черт в дискурсе психологической помощи на основе научных данных из области кросс-культурной психологии, этнолингвистики, этносемантики и дискурсивного анализа.

### **Результаты исследования и их обсуждение.**

Выдвинутая нами идея о существовании универсального и локального в дискурсе мультикультурного консультирования восходит к популярной в странах западного мира теории существования панкультурных («etic») и культурно-специфических («emic») черт. Термины для их обозначения были образованы американским лингвистом и антропологом К. Пайком (Pike K.L.) и берут свое начало из лингвистики, где фонетика имеет отношение к звукам, имеющимся во всех языках, а фонемика – лишь к тем, которые существуют только в определенном языке. По аналогии, образованные от окончаний, в научный оборот были пущены термины «этик» (обозначающий универсальные культурные элементы) и «эмик» (специфические). Проф. Дж. Берри – выдающийся канадский специалист в области кросс-культурной психологии и межкультурных отношений в многонациональных обществах, был одним из первых, кто ввел эти лингвистические понятия в психологию [3].

По аналогии с представленными подходами зарубежных авторов к выделению универсальных и культурно-специфических черт, наше исследование представляет собой попытку выделения универсальных и локальных особенностей в консультативном дискурсе.

Для реализации поставленной цели нами было выделено три основополагающих аспекта, которые позволяют судить об уникальности этнокультурной специфики дискурса психологического консультирования. Рассмотрим по порядку.

Первый из них основывается на концепции американского антрополога Э. Холла (E. Hall) о культурах высокого и низкого контекста. В первом случае, предпочитается косвенная и символическая вербальная практика, придается значение форме речи, ее контексту, часто это проявляется в расплывчатости речи, преобладании некатегоричности. Во втором – прямой и утвердительный способ коммуникации, используются ясные и короткие высказывания. По мнению самого исследователя, к высококонтекстным принадлежат восточный и азиатский ареал, а низкоконтекстным – западный.

Особый интерес представляет консультирование клиентов из стран высокого контекста. Поскольку речь такого рода клиентов преисполнена высказываниями, особенностью которых является изобилие метафор, иносказаний, недоговоренностей, эвфемизмов и т.д., к ним часто бывают неприменимы мерки повседневной логики. Смысл таких высказываний часто лежит в подтексте, который формируется в индивидуальном сознании клиента и, может быть лишь интуитивно угадан психологом.

Вторым, не менее важным аспектом, представляется нам изучение специфических слов, существующих в одном языке, и отсутствующих в другом. В особенности это касается слов для описания эмоций и состояний ими индуцируемых. Как указывает польский лингвист, специалист по межъязыковому взаимодействию А. Вержбицкая (Wierzbicka A.), проблема исследования человеческих эмоций усложняется из-за отсутствия культурно-независимого семантического метаязыка для их описания [11].

По сведениям Дж. Рассела (James A. Russell), не все культуры имеют в своем языке термин, соответствующий английскому слову «emotions». Например, у жителей о. Самоа нет слова, выражающего понятие «эмоции», зато широко

используется слово «lagona», обозначающее как чувства так и ощущения [9, с.429]. Как указывает Д. Мацумото, это очень важный аспект, поскольку для некоторых культур, концепт эмоций не имеет столь важного значения. Это может привести к подмене понятий, поскольку то, что мы знаем как эмоцию, в другой стране может трактоваться по-другому и относиться не только к субъективным чувствам.

Но гораздо больший интерес представляют культурные особенности категоризации и обозначения эмоций и эмоциональных состояний. Вышеупомнутый Дж. Расселл, осуществивший серьезную работу касательно этого вопроса, взяв за основу английский язык, говорит, что не все английские слова, обозначающие определенные эмоции и чувства, имеют эквивалент в других языках. И наоборот, ученый отмечает, что в определенных культурах существуют эмоции, для обозначения которых нет соответствующего слова в английском. Для наглядного объяснения приведем ряд примеров.

Так, английские слова «shame» (стыд) и «fear» (страх) не могут быть прямо переведены на язык племени австралийских аборигенов. Более того, в их языке существует одно (!) слово, для обозначения этих двух (столь разных по смысловому содержанию) понятий («gurakadj») [3, с. 389; 9, с. 430].

Английские понятия «shame» (стыд) и «embarrassment» (замешательство, смущение) являются лексически унифицированными в японском, индонезийском языках, а также языках жителей Непала и о. Таити. А японцы употребляют одно слово – «isin», чтобы охватить целый ряд понятий: «shame» (стыд), «guilt» (вина), «shyness» (застенчивость) и «embarrassment» (замешательство, смущение) [9, с. 430].

В арабском языке отсутствует аналог английского слова «frustration», а в польском – «disgust» [3, с. 389; 11, с.584].

Напротив, некоторые языки имеют слова без эквивалента в английском. Например: немецкое слово «schadenfreude», обозначающее удовольствие, переживаемое от чьих-то неудач; японские «itoshii» – глубокая тоска по отсутствующему любимому, «ijirashii» – состояние восхищения человеком, ловко преодолевающим препятствия; бенгальское «obhiman» – состояние скорби, вызванной безответной любовью [3, с. 389; 9, с. 426].

Существует неисчислимое множество человеческих эмоций, которые могут переживаться с большей или меньшей силой. Очевидно, что все они по-разному включены в категориальный аппарат того или иного языка. Как можем увидеть из вышеизложенного, каждый язык имеет свой собственный набор готовых слов, обозначающих те эмоции, которые члены данной культуры считают особенно важными. Таким образом, концепции эмоций не только культурно обусловлены, но и представляют собой способы, при помощи которых каждая культура пытается обозначить свой эмоциональный мир [3].

В контексте нашего основного вопроса, проблема культурной концептуализации эмоций и эмоциональных состояний представляется особо важной. Речь не идет о том, что психолог-консультант должен свободно владеть десятком языков, чтобы успешно работать с различными этническими группами. Имеется ввиду, сумеет ли, например, японец, проживающий некоторое время на территории США и свободно говорящий на английском, подобрать соответствующее понятие, для вербализации своего состояния? По части нашего вопроса, существует реальная угроза подмены одних понятий другими, что способно свести на нет весь процесс психологической помощи.

Третьим, не менее важным аспектом, является изучение смыслового наполнения соответствующих друг другу понятий в разных культурах. Данный вопрос

широко разрабатывается в области лингвокультурологии и представляет немалый интерес для психологической науки. В частности, фундаментальным трудом в этой области считается работа польского историка, политолога и переводчика Анджея де Лазари (Andrzej de Lazari) «Лексикон русского менталитета»<sup>3</sup>. Согласно автору, многие феномены и концепты в России не имеют верных соответствий в других странах и языках, или, что еще хуже, имеют кажущиеся соответствия [Приводится по: 5].

Такое мнимое сходство А. де Лазари иллюстрирует на примере русского слова «судьба» и английского «fate». Дело в том, что данные единицы дискурса на первый взгляд являются сходными по смыслу, но, при детальном рассмотрении, становятся очевидными несколько нюансов, не позволяющих судить столь однозначно, а, наоборот, убеждающих нас в том, что это два принципиально разных понятия [6].

Так, английское «fate» несет в себе признаки случайности, совпадения, риска, но всегда оставляет субъекту право выбора, «свободной воли» (авт.), человек может бросить вызов и противостоять судьбе-«fate». В то время как русский концепт «судьба» представляется как заданный путь жизни и не дает человеку права на выбор. Такое отношение к судьбе ведет к оправданию и принятию любых несчастий в смирении. В этом смысле исследователь говорит, что именно свободная воля и право выбора определяет разницу между православием и католицизмом, между русским и западным отношением к жизни [5; 6].

Заслуживает внимания исследование концепта «успех», приведенное отечественным лингвокультурологом, специалистом в области аксиологической лингвистики В.И. Карасиком. Итак, специфика понимания концепта

---

<sup>3</sup> Работа представляет собой часть энциклопедического словаря «Идеи в России».

«успех» для русской ментальности заключается в том, что: делается акцент на везении и учете средств, используемых для достижения цели (моральный аспект); ассоциируется с победой в бою, достижениями в познаниях и завоеванием симпатий; к людям, которые не добились успеха, по-русски относятся с жалостью. В английской лингвокультуре концепт успеха («success») символизирует усилия индивида; ассоциируется с карьерой, богатством и славой; к людям, которые не добились успеха относятся с элементом презрения.

По словам В.И. Карасика, в английской культуре успех напрямую связывается с усилиями личности, в русской – с везением и способностями человека. Приметно, что в китайском языке концепт «успех» (cheng gong) передается с помощью иероглифов, состоящих из идеограмм со значениями «закончить» + «работа» + «усилия» [5].

Таким образом, этнокультурная специфика концептуализации понятий – еще один важнейший аспект, который должен быть учтен в процессе оказания психологической помощи представителям различных этнических групп.

Исходя из вышеизложенного, представляется неоспоримым факт недопустимости упрощенного, схематического отношения к практике консультативного дискурса. Ибо в современных условиях мультикультурной среды особо важной является задача поиска культурно-специфического подхода, который будет опираться на уникальную культурно-сензитивную дискурсивную практику.

#### **Выводы и перспективы дальнейших исследований.**

Вышеизложенные данные позволяют заключить, что основополагающим фактором, формирующим и обуславливающим специфику высказываний клиента

и психолога в процессе сеанса психологического консультирования, является их культурная принадлежность.

Изучение этнокультурных особенностей дискурса психологической помощи позволяет обеспечить максимальную эффективность этого процесса и, соответственно, избежать ряда фундаментальных ошибок, состоящих в подмене понятий, различном смысловом наполнении идентичных, на первый взгляд, понятий, неадекватности перевода и т.д.

Постижение особенностей культурно-специфического дискурса психологической помощи является довольно сложной процедурой, поскольку предполагает полное погружение в изучаемую культуру с усвоением ее менталитета, овладением языком и, следовательно, приобретением специфического образа мышления, который предполагает этот язык.

На основе данных из области этнолингвистики, этносемантики и дискурсивного анализа нами были выделены три основания, которые необходимо принимать к вниманию во избежание указанных выше ошибок. Среди них: 1) особенности культурного контекста, исходя из концепции Э. Холла о культурах высокого и низкого контекста; 2) этническая самобытность категоризации и обозначения эмоций, состояний и т.д.; 3) различное смысловое наполнение, на первый взгляд, соответствующих друг другу концептов в разных культурах.

Важно отметить, что данная статья является лишь проблемно-постановочной и отнюдь не исчерпывает всех аспектов заявленного вопроса. Представляется целесообразной дальнейшая реализация задачи поиска этнокультурной специфики коммуникативной практики в процессе психологического консультирования с целью нахождения новых оснований для выделения культурно-

специфических черт консультативного дискурса и соотношения их с уникальным образом мышления в частности и менталитетом в целом продиктованными той или иной языковой системой которая, в свою очередь, является закономерным продуктом и важнейшей составляющей частью культуры.

### **ЛИТЕРАТУРА**

1. Бондаренко А.Ф. Культура языка в психотерапии и язык психотерапии в культуре (доклад на Всемирном конгрессе русскоязычных психотерапевтов.–Москва, 8–10 октября 2010г.)/А.Ф. Бондаренко // Язык. Культура. Психотерапия: сборник научных статей. – К.: Кафедра, 2012, С. 277 – 286.
2. Бондаренко А.Ф., Кондратюк Н.С. Русская традиция в психотерапии: в поисках истоков. / А.Ф. Бондаренко // Язык. Культура. Психотерапия: сборник научных статей. – К.: Кафедра, 2012, С 312 – 343.
3. Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия / Дэвид Мацумото. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 668 с.
4. Калина Н.Ф. Анализ дискурса в психотерапии / Н.Ф. Калина // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2002. – № 3. – Ежеквартальный научно-практический журнал электронных публикаций. – Интернет-ресурс. – Режим доступа: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2116>
5. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166 – 205.
6. Andrzej de Lazari, ed., 1995. The Russian Mentality: Lexicon. Translated by Witold Liwarowski and Richard Wawro. Katowice: Slask, 135 p.
7. Carbaugh, D., 2007. Cultural Discourse Analysis: Communication Practices and Intercultural Encounters. Journal of Intercultural Communication Research, November, 36 (3), pp. 167–182.
8. Northworthy, K. L., Heppner, P. P., Ægisdottir S., Gerstein L. H., Pedersen P. B., 2012. Exploration of U.S.-Based Models of Counseling and Counseling Psychology. A Critical analysis. In: L. H. Gerstein, P. P. Heppner, S. Ægisdottir, S-M. A. Leung, K. L. Northworthy (Eds.)

- Essentials of Cross-Cultural Counseling. SAGE Publications, Inc, pp. 103 – 132.
9. Russell, J. A., 1991. Culture and the Categorization of Emotions. Psychological Bulletin, 110(3), pp. 426 – 450.
  10. Widen, S. C., Russell J., 2010. A. Descriptive and Prescriptive Definitions of Emotion. Emotion Review, October, 2 (4), pp. 377 – 378.
  11. Wierzbicka, A., 1986. Human Emotions: Universal or Culture-Specific? American Anthropologist, New Series, 88 (3), pp. 584 – 594.

**УДК 81'23**

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ  
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОДУКТОВ РЕЧЕВОЙ  
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ С ПРЕОБЛАДАНИЕМ  
ПЕРВОЙ СИГНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

**Наталья Фомина, Марина Мирчетич  
(Рязань, Россия)**

*У статті представлено результати комплексного дослідження текстів як продуктів індивідуальної мовленнєвої діяльності студентів з домінуючою першою сигнальною системою, зокрема їх мовні, мовленнєві, змістовно-сміслові особливості, а також мотиваційні, емоційні, регулятивні, когнітивні, динамічні особливості їх авторів.*

***Ключові слова:** текст, мовленнєва діяльність, особистість, студенти, сигнальні системи, лінгвістичні характеристики мовлення, психологічні особливості мовленнєвих дій.*

*В статье представлены результаты комплексного исследования текстов как продуктов индивидуальной*